

Глава II

**ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК
НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ**

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!

А. С. Пушкин. 1826 год

Литературный, философский, мистический мир России начала XX века — это бурление и водоворот, это столкновение сюжетов, похлеще любого запутанного сериала. В конце концов, ничего не может быть оригинальнее, чем сама жизнь во всех ее формах и проявлениях.

В 1909 году по Санкт-Петербургу ходили таинственные слухи — в городе появилась поэтесса, лица которой никто не знает, но ее проникновенными романтическими стихотворениями зачитывается весь светский бомонд. Это была невероятная история, затронувшая самые высокие круги светского и литературного обществ. Серебряный век. Имя неизвестной — Черубина де Габриак.

Испанка, страстная католичка, находящаяся под неусыпным присмотром своего строгого отца и духовного наставника, священника Бенедикта. Отец родом с юга Франции, мать русская. Воспитывалась Черубина в монастыре испанского города Толедо. В планах у нее в скором времени принять монашеский постриг. Ей, к слову, 18 лет. И все это вполне себе убедительная история, если бы была правдой. Но в ней нет ни слова истины. Всё сплошная выдумка. Черубина де Габриак — одна из самых сильных и известных литературных мистификаций в истории русской литературы. Ее создатели — поэт-символист Максимилиан Волошин и собственно девушка, которая публиковала стихи под именем загадочной испанки, — поэтесса Елизавета Дмитриева. А теперь о том, как всё начиналось.

Елизавета Дмитриева

Елизавета Ивановна Дмитриева родилась в 1887 году в Петербурге. Это была не особенно красивая, невысокая темноволосая девушка, она была полновата и сильно хромала, лоб у нее был заметно вздутым. Впрочем, откровенной уродиной её назвать было нельзя, хотя она, пожалуй, как и все мы в разной степени, по поводу своей внешности и переживала. Окончила Дмитриева Василеостровскую гимназию, с золотой медалью, затем Императорский женский педагогический институт, где изучала средневековую историю и французскую литературу. Некоторое время училась в Сорбонне, где судьба свела ее с поэтом Николаем Гумилевым, учившемся там же, впоследствии — первым мужем Анны Ахматовой.

Отношения Дмитриевой и Гумилева начались в Париже в июле 1907 года. Развивались они чрезвычайно стремительно. Молодые люди нашли много общих тем для разговоров, говорили о Царском Селе, Гумилев читал Дмитриевой свои стихи. В Париже Гумилев сводил свою возлюбленную в кафе, где Дмитриева оказалась в первый раз в жизни.

Отношения Дмитриевой и Гумилева начались в Париже в июле 1907 года. Развивались они чрезвычайно стремительно. Молодые люди нашли много общих тем для разговоров, говорили о Царском Селе, Гумилев читал Дмитриевой свои стихи. В Париже Гумилев сводил свою возлюбленную в кафе, где Дмитриева оказалась в первый раз в жизни.

Кафе Ротонда
в 1907, Париж

Купил ей целый букет пушистых гвоздик. И больше после этого молодые люди не виделись, встретились лишь спустя время, уже в Петербурге, в «башне» у Вячеслава Иванова. Были так называемые «ивановские среды», что-то вроде литературного салона, в собственной квартире на шестом этаже дома на Таврической улице, 35. Встречи «в башне» (они назывались так по той причине, что дом имел угловую шестизэтажную башню) объединяли и поэтов-символистов, и художников-мирискусников, и музыкальных и театральных деятелей. Туда же в свое время явилась и Дмитриева, где и состоялась новая встреча с Гумилевыми и новое знакомство — с жившим этажом ниже Максимилианом Волошиным. Николай Степанович еще некоторое время ухаживал за Дмитриевой, гуляя с ней после лекций в саду Академии художеств. Однажды, в дневнике Дмитриевой Гумилев напишет красивое двустушище:

*Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей,
Я нашел себе подругу из породы лебедей.*

Уже много позже Дмитриева в своей «Исповеди» напишет о Гумилеве следующее: *«Воистину он больше любил меня, чем я его...»*

Летом 1909 года Елизавета Дмитриева вместе с возлюбленным приезжают в Коктебель к Максимилиану Волошину. Вот тут-то и разгорятся настоящие страсти. Дмитриева, сама того не ведая, оказалась в центре любовного треугольника. С одной стороны — влюбленный в нее Гумилев, с другой стороны — она сама, но неотвратимо влюбляющаяся в красивого силача Волошина. Там же в Крыму выясняется, что и Волошин невероятно влюблен в Лизу, но скрывает свои чувства. В итоге он предлагает ей сделать выбор, больше так продолжаться не может. Но Дмитриева выбор уже сделала. Она просит Гумилева уехать, не объясняя причин (Николай Степанович не подозревал, что всё настолько серьезно). Он принимает эту просьбу за каприз и уезжает. Дмитриева остается в Коктебеле, проживая летом 1909 года лучшие дни своей жизни.

Именно летом 1909 года Волошин предлагает Дмитриевой идею: создать литературную маску загадочной католички. Имя выбирали долго, остановились, как вспоминает Волошин, на чёрте Габриахе, изменив окончание «х» на «к», а для аристократичности добавили французскую частицу «де». Имя псевдо-

Максимилиан Волошин в Коктебеле

нему решили взять у героини одного из романов Брета Гарта, американского прозаика, — Черубина. Стихи застенчивой поэтессы подписали как Черубина де Габриак.

Авантюра двух этих амбициозных людей была направлена на весь литературный свет тогдашней столицы. В свою очередь весь свет в одном-единственном лице представлял собой один человек — Сергей Маковский, редактор и издатель только народившегося тогда литературного журнала «Аполлон». Первый номер «Аполлона» должен был выйти как раз осенью 1909 года, редакция еще только формировалась, в нее, кстати, входили и Гумилев, и Волошин, и Ив́анов, и еще несколько известных поэтов.

Редакция «Аполлона» называла Маковского на французский манер Папа́ Мако — всё из-за его невероятного аристократизма и безупречных костюма и пробора, без которых Маковский на люди не появлялся; он даже хотел, чтобы все сотрудники

журнала приходили на работу в смокингах. Наверяд ли такой человек, мыслящий масштабными гламурными (в хорошем смысле) категориями, мог оценить безликую простушку Лизу Дмитриеву, которая, кстати, уже приносила свои стихи в редакцию, но была, конечно же, отвергнута.

Порядком приевшийся, заскучавший в однообразных салонных посиделках, высший литературный свет жаждал сенсации, приятной интриги, поэтому Волошин и Дмитриева решили играть по предлагаемым правилам. Августовским утром 1909 года в редакцию «Аполлона» приходит письмо, подписанное буквой «Ч». Маковский не на шутку заинтересовался письмом и приложенными к нему стихотворениями. Черубина прислала строки следующего содержания:

*И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг,
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?*

Сергей Маковский пишет, что не столько форма заинтересовала его тогда, сколько автобиографические полупризнания. Его явно звали играть, и он это хорошо понимал. Дмитриева и в дальнейшем будет как бы невольно проговариваться о Черубине, приоткрывая завесу тайны. Маковского будет затягивать в этот омут все сильнее. Но Черубине было необходимо предоставить больше информации о себе, редактор еще не до конца проглотил наживку и чтобы жертва не соскочила с крючка, загадочная поэтесса предпринимает решительный шаг. Звонит Маковскому. Томным полусшепотом

Сергей Маковский

обвораживает литератора. Дмитриева, немного картавя и кокетничая, убеждает Папа́ Мако в собственной неотразимости. Блестящая игра, безусловно, срежиссирована Волошиным. Слово в слово.

После этого звонка Дмитриева больше не воспринимает Черубину как выдумку. С этой минуты мы говорим Дмитриева и подразумеваем Черубина, говорим Черубина и подразумеваем Дмитриеву. Маска ожила.

*Твои глаза — святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Мариин белая порфира.*

*Ты, обагривший кровью меч,
Склонил смиренно перья шлема
Перед сияньем тонких свеч
В дверях пещеры Вифлеема.*

Елизавета в доме
Максимилиана Волошина

Стихи Черубины де Габриак преисполнены символизма, метод, который в то время господствовал в литературной среде.

Получив первое письмо, Мавковский незамедлительно отправил Черубине письмо, причем на французском. Он просил ее прислать что-то еще, желательно сразу много. Вечером Дмитриева с Волошиным принялись за работу, и уже на следующий день у Папа́ Мако лежала целая тетрадь стихов.

Литературный бомонд принял за истину подробную фантазию, тщательно спланированную двумя литераторами.

Расчет Волошина оправдался. Как у Блока: «...*Живи еще хоть четверть века...*» и через эту четверть, и через век всем подавай